

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ

ЛИКИ ШВОРЧЕСТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ
'АПОЛЛОНА'

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1914.

Дорогіє Друзья, Братья и Сестры!

Представляемъ Вамъ статью Максимиліана Александровича Волошина «Пророки и мстители. Предвѣстія Великой Революціи», написанную въ 1905 году. Въ ней авторъ обращается къ роману Оедора Михайловича Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе», въ частности, бреду Раскольникова въ Сибири: «это апокалипсическое видѣніе, въ которомъ уже есть все, что совершается, и много того, чему еще суждено исполниться».

Далѣе авторъ останавливается на другихъ пророкахъ, предвѣщавшихъ смуты, и переходитъ къ Великой французской революціи конца XVIII вѣка. Мы узнаемъ о ея причинахъ, кровавыхъ событіяхъ и не менѣе кровавыхъ зачинщикахъ.

Въ концѣ авторъ пишетъ, что «неслыханная и невиданная моровая язва, о которой говорилъ Достоевскій, уже началась». И онъ оказался правъ, вѣдь всего лишь спустя десятилѣтіе въ Россіи грянулъ переворотъ, унесшій съ собой милліоны человѣческихъ жизней, страшныя послѣдствія котораго для нашей Родины мы не можемъ осознать до сихъ поръ.

Завершаетъ статью пророческое стихотвореніе автора «Ангель мщенья».

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орфографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію статьи отъ 1914 года¹.

Пріятнаго Вамъ прочтенія, Друзья!

¹ Волошинъ, М.А. Пророки и мстители. Предвѣстія Великой Революціи // Лики творчества / М.А. Волошинъ. – СПб.: Изданіе «Аполлона», 1914. – Книга первая. – С. 341–377.

МАКСИМИЛІАНЪ ВОЛОШИНЪ

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ
«АПОЛЛОНА»

С-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Акц. Общ. Тип. Дѣла въ Спб.
7 рота 26
1914

ПРОРОКИ И МСТИТЕЛИ

Предвѣстія Великой Революціи

Я развернулъ книгу наугадъ, и мнѣ раскрылась такая страница: «Весь міръ осужденъ въ жертву какой то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвѣ, идущей изъ глубины Азіи на Европу. Всѣ должны погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были духи, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали эти зараженные. Никогда не считали непоколебимѣ своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій.

«Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшествовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, всякій думалъ, что въ немъ одномъ заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать добромъ, что зломъ. Не знали, кого обвинять и кого оправдывать. Люди убивали другъ друга, въ какой то бессмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи уже въ походѣ вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ

городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ. Но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, и всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому что каждый предлагалъ свои мысли, свои поправки и не могли согласиться; остановилось земледѣліе. Кое гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на какое нибудь дѣло, клялись не разставаться — но тотчасъ начинали что нибудь совершенно новое, иное, чѣмъ сейчасъ сами же предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибло.

«Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти въ всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ, это были чистые, избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слышалъ ихъ слова и голоса».

Это послѣдняя страница изъ «Преступленія и Наказанія» — бредъ Раскольникова въ Сибири. Я читалъ эту страницу много разъ и раньше, но теперь мнѣ казалось, что ея никогда раньше не было, и она только что выросла въ этой книгѣ. Я читалъ ее другимъ, которые, я зналъ, любили эту книгу, и они тоже не могли вспомнить именно этой страницы. Очевидно, глаза наши до нынѣшнихъ временъ скользили по этимъ строкамъ, не видя ихъ.

Только дыханіе ужаса революціи выявило ихъ для насъ, какъ прикосновеніе огня обнаруживаетъ блѣдныя буквы, написанныя химическими чернилами на бѣломъ листѣ бумаги.

Оно было написано ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ — это апокалипсическое видѣніе, въ которомъ уже есть все, что совершается, и много того, чему еще суждено исполниться.

Души пророковъ похожи на темныя анфілады подземныхъ залъ, въ которыхъ живетъ эхо голосовъ, звучащихъ неизвѣстно гдѣ, и шелесты шаговъ, идущихъ неизвѣстно откуда. Они могутъ быть близко, могутъ быть далеко. Предчувствіе лишено перспективы. Никогда нельзя опредѣлить его направленія, его близости.

Толща времени, подобно туману, дѣлаетъ предметы и событія грандіознѣе и расплывчатѣе.

Поэтому часто бываетъ, что ураганъ, притаившійся на пути одного народа, для провидцевъ этого народа представляется событіемъ міровымъ, а не національнымъ, и наступленіе частичной катастрофы кажется наступающимъ концомъ міра.

Наиболѣе яркій примѣръ такого предчувствія, — это всеобщее ожиданіе конца міра въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ христіанской эры, которое разрѣшилось паденіемъ Римской имперіи.

Съ пророчествомъ Достоевскаго хочется сопоставить пророчество св. Кипріана, писавшаго въ концѣ третьяго вѣка:

«Міръ близится къ концу. Это не старость, это — признакъ надвигающейся смерти... Человѣкъ старится и умираетъ. Такъ же и міръ долженъ умереть. Всѣ знаки свидѣлствуютъ о томъ, что земля близится ко времени своего распаденія.

«Зимою дождь не оживляетъ сѣмянъ, лѣто не даетъ тепла, чтобы созрѣть плодамъ. Весна потеряла

свое прежнее обаяніе. Осень — свое плодородіе. Мраморныя каменоломни и золотые рудники истощаются, источники воды пересыхаютъ.

Дѣти рождаются лысыми. Жизнь не кончается старостью, она начинается усталостью. Растетъ безлюдіе. Земля безъ пахарей, на моряхъ только изрѣдка проходятъ корабли, нивы пустынны. И въ нравахъ тотъ же упадокъ. Нѣтъ больше невинности, нѣтъ справедливости, нѣтъ дружбы. Уровень знаній понижается. Лучи солнца блѣдны и не даютъ тепла. Луна незамѣтно уменьшается и скоро исчезнетъ совершенно; деревья, которыя радовали насъ своей зеленью и плодами, засыхаютъ. И не ждите, что бѣдствія, истязаящія народы, уменьшатся. Они будутъ расти и множиться до дня послѣдняго суда».

Другой отецъ церкви, Лактанцій, еще законченнѣе выражаетъ то же настроеніе:

«Міръ подходитъ къ концу. Зло царитъ въ мірѣ. А между тѣмъ, то, что теперь, это еще золотой вѣкъ, сравнительно съ тѣмъ, что будетъ: исчезнетъ всякій законъ, всякая вѣра, всякій миръ, всякій стыдъ, всякая правда.

«Мечъ пройдетъ по міру и пожнетъ жатву. Имя Рима будетъ стерто съ лица земли. Ужась меня охватываетъ, когда я говорю это, но я говорю, потому что такъ будетъ; снова власть вернется на Востокъ, Азія снова будетъ править, а Европа будетъ рабой.

«И придутъ времена ужаса. И не будетъ такихъ, кому мила жизнь. Города будутъ разрушены до самаго основанія, огнемъ и мечемъ, землетрясеніями, наводненіями... Земля не дастъ плодовъ своихъ человѣку... Животныя станутъ умирать».

Лактанцій заканчиваетъ картину распаденія міра пришествіемъ Антихриста и трубой Архангела, призывающей всѣхъ на страшный Судъ.

Слова Лактанція объ Азіи и новомъ порабощеніи Запада невольно вызываютъ на память пророческія слова Владиміра Соловьева о томъ, что всемірная исторія внутренно окончилась. «Историческая драма сыграна, и остался еще одинъ эпилогъ, который, впрочемъ, какъ у Ибсена, можетъ самъ растянуться на пять актовъ. Но содержаніе ихъ, въ существѣ дѣла, заранѣе извѣстно».

И еще поразительнѣе эти слова въ его стихотвореніи «Панмонголизмъ», написанномъ осенью 1894 года.

Панмонголизмъ. Хоть имя дико,
Но мнѣ ласкаетъ слухъ оно,
Какъ бы предчувствіемъ великой
Судьбины Божіей полно.
Когда въ растлѣнной Византіи
Остылъ Божественный Алтарь
И отреклися отъ Мессіи
Народъ и князь, іерей и Царь,
Тогда поднялся отъ Востока
Народъ безвѣстный и чужой,
И подъ ударомъ тяжкимъ Рока
Во прахъ склонился Римъ второй.
Судьбою древней Византіи
Мы научиться не хотимъ,
И все твердятъ льстецы Россіи:
Ты третій Римъ, ты третій Римъ!
Ну что жъ, орудій Божьей кары

Запасъ еще не истощеньъ...
Готовить новые удары
Рой пробудившихся племень.
Отъ водъ Малайи до Алтая
Вожди съ восточныхъ острововъ
У стѣнъ возставшаго Китая
Собрали тьмы своихъ полковъ.
Какъ саранча, неисчислимы,
И ненасытны, какъ она,
Нездѣшной силою хранимы,
Идутъ на Сѣверъ племена.
О, Русь, забудь былую славу —
Орель Двуглавый сокрушень,
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.
Смирится въ трепетъ и страхъ,
Кто могъ завѣтъ любви забыть,
И третій Римъ лежитъ во прахъ,
А ужъ четвертому не быть.

Сравнивая страницу Достоевскаго со словами Лактанція и Св. Кипріана, такъ близко подходящими другъ къ другу по стилю, замѣчаешь одну существенную разницу.

У всѣхъ троихъ есть яркое и вполне определенное чувство приближающейся катастрофы, но африканскій риторъ Лактанцій говоритъ о моральномъ паденіи міра и о политическомъ торжествѣ Азіи, совпадая въ этомъ съ Вл. Соловьевымъ, св. Кипріанъ говоритъ о старости міра и съ ужасомъ видитъ, что лучи солнца блѣднѣютъ и размѣры луны уменьшаются, но оба они остаются въ области

физической природы, и Страшный Судъ, котораго они ждуть, кажется для насъ теперь только отчетомъ, который Греко-Римская культура готовилась дать передъ Всемирной Исторіей.

Между тѣмъ, въ словахъ Достоевскаго чувствуется приближеніе катастрофы иного рода, — катастрофы психологической, которая все потрясеніе переноситъ изъ внѣшняго міра въ душу человѣка.

«Обезьяна сошла съ ума и стала человѣкомъ».

Слѣдующій день начнется, когда человѣкъ сойдетъ съ ума и станетъ Богомъ.

Въ пророчествѣ Достоевскаго чувствуется именно эта катастрофа: новое крещеніе человѣчества огнемъ безумія, огнемъ Св. Духа. Нынѣшнее человѣчество должно погибнуть въ этомъ огнѣ, и спасутся только тѣ немногіе, которые пройдутъ сквозь это безуміе невредимыми — «чистые, избранные, предназначенные начать новый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю. Но никто и нигдѣ не видѣлъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса».

У хилиастовъ третьяго вѣка конецъ міра, у Достоевскаго безуміе съ надеждой новой зари за гранью безумія.

Какъ сонное видѣніе преувеличиваетъ и преображаетъ въ грандіозную и трагическую картину случайное внѣшнее явленіе, дошедшее до мозга спящаго, такъ душа, полная пророческими гулами и голосами, преображаетъ первые признаки паденія Греко-Римской культуры въ дряхлость всего міра и въ наступленіе Страшнаго Суда, а приближеніе Великой Революціи разоблачаетъ тайны послѣдняго и

величайшаго безумія чловѣчества, которое, дѣйствительно, говоря словами Вл. Соловьева, «закончить магистраль Всемирной Исторіи».

Для того, чтобы понять и разобрать пророчество раньше его осуществленія, нужно не меньшее откровеніе, чѣмъ для того, чтобы написать его.

Только времена, надвигаясь и множа факты, даютъ ключъ къ пониманію смутныхъ словъ старыхъ предвидѣній, опзрачивая образы и выявляя понятія въ невнятныхъ рунахъ прошлаго.

Нужно самому быть пророкомъ для того, чтобы понять и принять пророчество до его исполненія. Пророчество Достоевскаго оставалось для насъ невнятнымъ, пока мы не ступили на самый порогъ ужаса.

Пророчества почта всегда безсознательны. Очень рѣдко они бываютъ пророчествами знанія, немного чаще встрѣчаются пророчества глаза — видѣнія, и на каждомъ шагу мы имѣемъ дѣло съ пророчествами чувства — такъ называемыми предчувствіями.

Пророчества глаза и пророчества знанія совершенно не войдутъ въ нашу тему, относясь по самому своему существу къ другой области.

У чловѣка есть двѣ возможности безсознательнаго предчувствія: страхъ и желаніе.

Это два органа, два щупальца, которыми онъ осязаетъ дорогу передъ собою.

Мы имѣемъ съ ними дѣло во всѣхъ обстоятельствахъ обыденной жизни и потому не обращаемъ вниманія на ихъ сущность. Между тѣмъ, всѣ

наши отношенія съ будущимъ исчерпываются этими двумя органами воспріятія, по существу своему діаметрально противоположными.

Желаніе и страхъ являются двумя формами одного и того же чувства предвидѣнья и выражаютъ наши различныя отношенія къ наступающему.

Страхъ — это чувство пустоты, неизвѣстности — «hogor vacui». Желаніе — это чувство полноты.

Самое чувство въ своемъ существѣ еще не познано нами. Мы знаемъ его только въ его крайнихъ проявленіяхъ. Въ своемъ наиболѣе чистомъ видѣ мы можемъ наблюдать это чувство въ моменты ожиданія, когда весь организмъ бываетъ охваченъ тѣмъ особеннымъ нервнымъ волненіемъ, въ которомъ нельзя отличить стихіи страха отъ стихіи желанія.

Безъ сомнѣнія, наше чувство будущаго, подобное памяти — чувству прошлаго, возникнетъ именно въ томъ промежуточномъ пространствѣ — между страхомъ и желаніемъ. И оно уже есть въ насъ отчасти. Только для памяти мозгъ выработалъ себѣ двойную перспективу: хронологію и законъ причинности, въ то время какъ въ области предвидѣнія такого чувства еще нѣтъ.

Въ словѣ «Революція» соединяется много понятій, но когда мы называемъ Великую Революцію, то кромѣ политическаго и соціальнаго переворота, мы всегда подразумеваемъ еще громаднѣйшій духовный кризисъ, психологическое потрясеніе цѣлой націи.

Въ жизни человѣка есть незыблемые моменты, неизмѣнныя жесты и слова, которые повторяются въ

каждой жизни съ ненарушимымъ постоянствомъ: смерть, любовь, самопожертвованіе.

И именно въ эти моменты никто не видитъ и не чувствуетъ ихъ повторяемости: для cadaго, переживающаго ихъ, они кажутся совершенно новыми, единственными, доселѣ никогда не бывавшими на землѣ.

Подобными моментами въ жизни народовъ бывають Революціи.

Съ неизмѣнной послѣдовательностью проходятъ онѣ однѣ и тѣ же стадіи: идеальныхъ порывовъ, правоустановленій и звѣрствъ — вѣчно повторяющія одну и ту же трагическую маску безумія и всегда захватывающія и новыя для переживающихъ ихъ.

Революціи — эти біенія кармическаго сердца — идутъ ритмическими скачками и представляютъ непрерывную пульсацію катастрофъ и міровыхъ переворотовъ.

Духовный кризисъ націй, который является неизбѣжнымъ бичемъ въ рукѣ каждой изъ Великихъ Революцій, — это кризисъ идеи справедливости.

Идея справедливости — самая жестокая и самая цѣпкая изъ всѣхъ идей, овладѣвавшихъ когда либо человѣческимъ мозгомъ.

Когда она вселяется въ сердца и мутитъ взглядъ человѣка, то люди начинаютъ убивать другъ друга.

Самыя мягкія сердца она обращаетъ въ стальной клинокъ и самыхъ чувствительныхъ людей заставляеть совершать звѣрства.

Она несетъ съ собой моральное безуміе, и Бруть, приказывающій казнить своихъ сыновей,

вѣрить въ то, что онъ совершаетъ подвигъ добродѣтели.

Кризисы идеи справедливости называются великими революціями.

Анатоль Франсъ говоритъ съ горькой ироніей:

«Робеспьеръ былъ оптимистъ и вѣрилъ въ добродѣтель. Государственные люди, обладающіе характеромъ подобнаго рода, приносятъ всяческое зло, на какое они способны.

«Если ужъ братья управлять людьми, то не надо терять изъ виду, что они просто испорченныя обезьяны. Только подъ этимъ условіемъ можно стать человѣчнымъ и добрымъ политическимъ дѣятелемъ.

«Безуміе революціи было въ томъ, что она хотѣла возстановить добродѣтель на землѣ.

«А когда хотятъ сдѣлать людей добрыми и мудрыми, терпимыми и благородными, то неизбѣжно приходятъ къ желанію убить ихъ всѣхъ. Робеспьеръ вѣрилъ въ добродѣтель: онъ создалъ Терроръ. Маратъ вѣрилъ въ справедливость: онъ требовалъ двухсотъ тысячъ головъ».

Кабанэсъ въ любопытной книгѣ о революціонныхъ неврозахъ говоритъ:

«Голодъ создавалъ болѣзни. Но и зрѣлище голода создало болѣзнь, новую, свойственную только этому времени — «бѣшенство состраданія». Человѣчество отчаянно взывало къ безчеловѣчью, къ самой смерти — великому врачу, который, казалось, могъ исцѣлить всѣ болѣзни міра. Маратъ, которому постоянно дѣлали кровопусканія и который всюду видѣлъ только кровь, былъ неумолимымъ филантропомъ. Шалье — святой Террора, жестокость

котораго была вся въ словахъ, но который носилъ въ сердцѣ невыразимую жалость ко всѣмъ страдающимъ, ужаснулъ міръ пароксизмомъ своего бѣшенства».

Человѣчество въ своемъ совершенствованіи должно пройти сквозь идею справедливости, какъ сквозь очистительный огонь.

Прежде чѣмъ придти къ полному и безусловному оправданію міра («міръ долженъ быть оправданъ весь, чтобъ можно было жить!»), надо пройти подъ лезвеемъ меча, разсѣкающаго все видимое, все познаваемое на добро и зло, правду и ложь, справедливость и насиліе.

У статуи Справедливости въ рукахъ мечъ.

У статуи Справедливости глаза всегда завязаны, а одна чашка вѣсовъ всегда опущена!

Пароксизмъ идеи справедливости, это — безуміе революцій.

Въ гармоніи міра страшны не тѣ казни, не тѣ убійства, которыя совершаются во имя злобы, во имя личной мести, во имя стихійнаго звѣринаго чувства, а тѣ, которыя совершаются во имя любви къ человѣчеству и къ человѣку.

Только пароксизмъ любви можетъ создать инквизицію, религіозныя войны и терроръ.

И любовь страшнѣе и разрушительнѣе ненависти, потому что ненависть только тѣнь любви, потому что ненависть только огненный цвѣтокъ, распускающійся на деревѣ любви, на неопалимой купинѣ человѣчества.

Безуміе въ томъ, что палачъ Маратъ и мученица Шарлота Корде съ однимъ и тѣмъ же сознаниемъ подвига хотѣли возстановить добродѣтель и

справедливость на землѣ.

Сентябрьскіе убійцы во время Французской революціи, убивая заключенныхъ въ тюрьмахъ аристократовъ, вѣрили, что они совершаютъ таинство священнаго очищенія націи.

2 сентября во дворѣ Аббеи, когда уже лежали груды труповъ одинъ на другомъ, произошло движеніе среди присутствующихъ, потому что кто то сказалъ:

«Надо пустить дѣтей посмотреть».

Революція повторяла слова Христа: «Пустите ко мнѣ малыхъ сихъ».

«Да, да, вѣрно!» раздались голоса, и каждый посторонился, чтобы дать мѣсто ребенку.

Чѣмъ чловѣкъ чувствительнѣе и честнѣе, тѣмъ кризисъ идеи справедливости сказывается въ немъ съ большей силой и нетерпимостью.

Робеспьеръ, Кутонъ, Маратъ, Сенъ-Жюсть по своему существу сентиментальны и чувствительны.

Робеспьеръ, когда еще до революціи былъ судьей въ городѣ Аррасѣ, предпочелъ отказаться отъ должности, чѣмъ скрѣпить своей подписью представленный ему смертный приговоръ.

Кутонъ плакалъ надъ смертью канарейки.

«Jean-Pierre Marat était très doux»², гласитъ стихъ Верлена. Сенъ-Жюсть написалъ въ своемъ дневникѣ:

«Очевидно Господу угодно было кинуть меня въ среду этихъ извращенныхъ, чтобы я, какъ мечъ, покаралъ ихъ».

² Жанъ-Пьеръ Маратъ былъ весьма мягокъ (франц.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.

Генрихъ Гейне въ своей «Исторіи религіи и философіи въ Германіи» сравниваетъ Эммануила Канта съ Максимиліаномъ Робеспьеромъ:

«И въ Кантѣ и въ Робеспьерѣ въ наивысшей степени было воплощено мѣщанство: природою имъ обоимъ суждено было взвѣшивать сахаръ и кофе, но судьбѣ угодно было поручить имъ иное, и одному на чашу вѣсовъ она возложила короля, а другому Бога... И оба взвѣсили честно».

Гейне совершенно правъ, называя Робеспьера мѣщаниномъ. Справедливость Робеспьера — справедливость во имя государственности, т.е. справедливость мѣщанская, справедливость бюргера, горожанина, справедливость, которая лежитъ въ наше время въ основѣ всѣхъ установленій государственнаго порядка. Онъ самъ косвенно признался въ этомъ словами:

«Идея высшаго существа и безсмертіе души — это постоянное напоминаніе о справедливости; поэтому она социальна и достойна республики».

Справедливостью во имя божественнаго установленія была и справедливость стараго режима, но Робеспьеръ справедливость поставилъ выше божества и этимъ сдѣлалъ ее мѣщанской.

У Марата и у сентябрьскихъ убійць была справедливость самая непослѣдовательная, такъ какъ ея критеріемъ служить личная страсть.

Справедливость Дантона — справедливость во имя родины — «Родина въ опасности!» — справедливость жестокая, но цѣлесообразная, смягченная добродушіемъ сильнаго звѣря.

Справедливость жирондистовъ —

справедливость во имя человечности, обманчивая справедливость Руссо.

«Бѣдный, великій Жанъ-Жакъ! говоритъ А. Франсъ. Онъ встревожилъ міръ. Онъ сказалъ матерямъ: «кормите сами своихъ дѣтей», и молодыя женщины стали кормилицами, и художники стали изображать знатныхъ дамъ, кормящихъ грудью своего ребенка.

«Онъ сказалъ людямъ: «Люди рождены добрыми и счастливыми, а общество сдѣлало ихъ несчастными и злыми. Они найдутъ свое прежнее счастье, возвратясь къ природѣ». Тогда королевы сдѣлались пастушками, министры — философами, законодатели провозгласили права человѣка, а народъ, добрый по природѣ своей, въ теченіе трехъ дней рѣзалъ заключенныхъ въ тюрьмахъ!»

Но самая страшная справедливость — справедливость Сенъ-Жюста — справедливость во имя справедливости. Справедливость, висящая среди міра, какъ огненный мечъ гнѣвнаго серафима, прообразъ Страшнаго Суда, всеиспепеляющее пламя абсолютнаго моральнаго чувства разгнѣваннаго Божества, не нашедшаго оправданія міру.

«Господу было угодно кинуть меня въ кругъ этихъ извращенныхъ, чтобы я, какъ мечъ, покаралъ ихъ».

Сенъ-Жюстъ — воплощеніе абсолютной идеи справедливости, которая въ самомъ звукѣ его имени отмѣтила свое появленіе на землѣ.

Безуміе отдѣльныхъ лицъ ищетъ оправданія своей справедливости въ высшей и неоспоримой идеѣ, но неоспоримыя идеи, сталкиваясь въ водоворотѣ жизни, производятъ разрушительные взрывы.

Отдѣльныя безумія находятъ свое успокоеніе только въ законѣ — безуміи объективномъ, которое является равнодѣйствующимъ всѣхъ безумій.

«Въ демократіи народъ подчиненъ своей собственной волѣ, а это очень тяжелый видъ рабства. Въ дѣйствительности народъ настолько же чуждъ и враждебенъ своей собственной волѣ, насколько онъ чуждъ волѣ своего царя, такъ какъ общая воля или совѣмъ отсутствуетъ, или присутствуетъ очень мало въ волѣ отдѣльнаго человѣка, который однако испытываетъ это противорѣчіе во всей его цѣлости» (А. Франсъ).

Почему же ни Робеспьеръ, ни Сенъ-Жюсть, въ рукахъ которыхъ была вся власть, не дали Европѣ того закона, который она, спустя нѣсколько лѣтъ, приняла изъ рукъ Наполеона?

Они были тверже и чище его, подобные двумъ архангеламъ ужаса, стоящимъ у вратъ новаго міра.

У нихъ не было минутъ слабостей, нерѣшимости, отчаянія и даже простой боязни, какъ въ жизни Наполеона.

Власть Наполеона въ томъ, что онъ пришелъ во имя свое и далъ законъ во имя свое, тогда какъ Робеспьеръ хотѣлъ дать законъ во имя республики-государства, а Сенъ-Жюсть во имя справедливости. И тайна власти Наполеона въ томъ, что онъ смотрѣлъ на людей, какъ на «испорченныхъ обезьянъ».

Санкція закона — въ имени, отъ котораго онъ исходитъ, будь это законъ отъ Іеговы или законъ отъ Наполеона.

Во имя безымянной идеи нѣтъ закона, будь это непорочная идея самой справедливости или

успокаивающая идея государства — мѣщанства.

Законъ Наполеона и былъ закономъ мѣщанства, но онъ не былъ данъ во имя мѣщанства, а во имя законодателя.

Русская революція — это только одинъ частичный кризисъ, который въ душѣ Достоевскаго выявилъ тайны послѣдняго и величайшаго безумія человѣческаго рода, который погибнетъ весь въ этихъ моральныхъ конвульсіяхъ, кромѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которымъ предназначено начать новый родъ людей, новую жизнь, обновить и очистить землю, перенести внѣшній законъ внутрь человѣческой души.

Тогда нынѣшнее — звѣриное сознание общественнаго организма, которое ниже нашего личнаго сознанія, станетъ равнымъ ему и тождественнымъ.

Но прежде, чѣмъ человѣчество придетъ къ этому полному и безусловному единству личности и общества, надо до самого конца пройти времена безумія. Надо все видимое, все познаваемое разсѣчь лезвиемъ меча на добро и зло, правду и ложь.

Страшны стихійныя предвѣстія этихъ моральныхъ пароксизмовъ. Конвульсивный ужасъ бѣжитъ и кричится, оповѣщая объ ихъ наступленіи.

Во Франціи наступленіе Великой Революціи пробудило паническій ужасъ, спавшій въ утробѣ средневѣковья.

«Нервность населенія была такъ велика, — говоритъ Тэнъ — что достаточно было маленькой дѣвочки встрѣтить вечеромъ около деревни двухъ

незнакомыхъ людей, чтобы цѣлые округа начинали бросать свои жилища и спасаться въ лѣса, унося съ собой свои пожитки».

Это были первыя предвѣстія террора.

Этотъ ужасъ не всегда переходитъ въ убійства.

Эпидемія ужаса тысячнаго года вылилась не въ убійства, а въ мистицизмъ.

Страхъ — это скачекъ въ безсознательное. Если энергіи взрыва нѣтъ мѣста вверхъ, онъ производитъ разрушеніе на землѣ. Въ то время Франція была полна бродягъ и нищихъ. Разрушеніе замковъ еще не начиналось. Но эти босяки и хулиганы уже осмѣлѣли отъ Парижскихъ событій. Они были «Черной сотней», наводящей ужасъ. Они жгли хлѣбъ и вытравливали поѣввы.

«Центръ Франціи былъ потрясенъ эпидеміей, которой дали имя «Великаго Страха». Въ каждомъ городѣ она начиналась одинаковымъ образомъ. Вечеромъ начинали циркулировать слухи: говорилось о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ разбойниковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, которые истребляли все на своемъ пути, оставляя за собой только пожары и развалины. Слухи росли подобно грозовому облаку; самые храбрые бывали захвачены. Прибѣгалъ въ городъ челоувѣкъ и рассказывалъ, что онъ видѣлъ собственными глазами облако пыли, поднятое наступающимъ войскомъ. Другой слышалъ, какъ били въ набать въ сосѣднемъ селеніи. Сомнѣній больше не оставалось. Черезъ какой нибудь часъ или меньше городъ будетъ разграбленъ.

«И рабочіе и мѣщане хватались за оружіе: ружья, штыки, пики, топоры, рабочіе инструменты: все

отбиралось для вооруженія. Являлась импровизированная милиція. Самые смѣлые уходили изъ города въ поиски навстрѣчу неприятелю.

«Вернутся ли они?»

«Въ ожиданіи женщины прятали драгоценныя вещи, трепетали за своихъ дѣтей... Проходитъ часъ... два... Смертельное томленіе! Наступаетъ ночь, увеличивая ужасъ. Ходятъ патрули. На перекресткахъ, горятъ факелы.

«Между тѣмъ крестьяне, гонимые ужасомъ, бѣгутъ въ городъ и волокутъ съ собой свои пожитки.

«Но вотъ возвращаются развѣдчики. Они не нашли ни одного разбойника. Страхъ уменьшается. Черезъ нѣсколько дней онъ разрѣшается всеобщимъ хохотомъ.

«Овернь, Бурбоне, Лимузенъ, Форесъ были одинъ за другимъ охвачены этой странной паникой. Эпидемія шла съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Она отразилась тоже, но съ меньшей силой и правильностью, въ Дофинэ, въ Эльзасѣ, во Франшъ-Конте, въ Нормандіи и въ Бретани. Въ Парижѣ такая паника была въ ночь на 17 іюля 1789 года, черезъ три дня послѣ взятія Бастиліи. Главные моменты развитія этой эпидеміи — конецъ іюля и начало августа 1789 года³».

Уже съ половины XVIII вѣка во Франціи ожидали пришествія Революціи, повсемѣстно,

³ D-г Cabanas. Les Nevroses revolutionnaires. (Огюстенъ Кабанэсъ. Революціонный неврозъ» (фр.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.)

всенародно, безусловно, почти съ такой же напряженностью, какъ челоѳчество ожидало свѣтопреставленія въ концѣ десятаго вѣка.

Во Франціи, какъ и въ Россіи, было больше всего пророковъ желанія — этихъ «Женщинъ изъ Магдалы», ожидающихъ подъ раскаленнымъ зноемъ пустыни пришествія Мессіи. Они всѣ измучены и сожжены ожиданіемъ и страстью. Революція сразу сжигаетъ ихъ. Они гибнутъ въ ея пламени, радостные и счастливые. Они ждутъ ея дуновенія и, когда губы мятежа прикоснутся къ ихъ лбу, — имъ больше нечего дѣлать на землѣ. Они ждутъ только одного поцѣлуя и не переживаютъ страстности перваго прикосновенія.

Среди Сивиллъ Революціи есть двѣ фигуры библейскаго прозрѣнія и паѳоса: маркизъ Мирабо — отецъ Великаго Мирабо, другъ людей, «*Ami des hommes*», заточавшій въ тюрьму своихъ дѣтей, и Казоттъ.

Они боялись революціи и ненавидѣли ее и поэтому видѣли дальше другихъ. Ихъ предчувствіе — предчувствіе ужаса. Маркизъ Мирабо былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе четко видѣли приближеніе тучи, хотя и туманно сознавали, какія молніи она несетъ въ себѣ.

Вся его ненависть къ сыну, порывистая и страстная, неожиданно освѣщаемая яркими молніями любви и удивленія передъ его геніальностью, — вся эта ненависть — уже пророчество.

Въ его письмахъ есть такія неожиданныя прозрѣнія и вспышки, что для его ненависти

чувствуются другія, болѣе властныя причины, чѣмъ скупость и искаженіе родительскаго чувства.

У него прорываются иногда такія фразы: «Время людей, подобныхъ моему сыну, приближается гигантскими шагами, потому что въ настоящее время нѣтъ женщины, которая не носила бы во чревѣ своемъ будущаго Артевельда или Мазаньелло».

А иногда онъ восклицаете съ дьявольской гордостью: «Уже въ теченіе пятисотъ лѣтъ міръ терпитъ Мирабо, которые никогда не были, какъ остальные люди. Стерпитъ онъ и этого, и сынъ мой — я ручаюсь за него — не уронитъ нашего имени».

Старый левъ чувствовалъ, что онъ породилъ дракона, дышащаго пламенемъ.

Все время кажется, что онъ говоритъ не о своемъ сынѣ, а о наступающей Революціи.

Въ самомъ преслѣдованіи сына, въ этомъ неотступномъ желаніи маньяка запереть его въ тюрьму «навсегда», чувствуется, что онъ обращается не къ сыну, а къ чему то болѣе грозному, къ какой то стихіи, которая поглотитъ все, если онъ не обуздаетъ ее.

Это внезапное прозрѣніе стараго режима — яркое, геніальное, отъ котораго приподымаются волосы на головѣ. Это — Валаамъ, прорицающій противъ своей воли среди всеобщей слѣпоты.

Въ то время, когда графъ д'Артуа (Карль X) протезировалъ Марата, герцогъ орлеанскій — Бриссо, каноники Лаонскаго Собора воспитывали Камиля Демулена, а Санъ-Ваатскій Аббатъ — Робеспьера, Конде покровительствовалъ Шамфору, Сестры Короля — Бомарше, М-ме де Жанлисъ — Хлодерлось де Лакло, Кардиналъ де Тенсенъ — Мабли, — маркизь Мирабо

одинокѣ стоить со своей неутѣлимой ненавистью къ своему родному сыну.

Казотта хочеть поставить рядомъ съ маркизомъ Мирабо, потому что и для него революція была не вождѣльнымъ освобожденіемъ, а надвигавшимся ужасомъ.

Въ годы передъ Революціей онъ почти безвыѣздно жилъ въ провинціи, вдали отъ Парижа, въ глубинѣ своей семьи. Онъ весь захваченъ, замороженъ глазами приближающагося чудовища, которое должно поглотить самое дорогое для него на землѣ — короля и церковь. И онъ кричитъ о надвигающейся опасности и бореться съ ползущей лавиной, ясно зная, что будетъ раздавленъ и уничтоженъ. Онъ вызываетъ духовъ, онъ хочеть сдѣлать Контръ-революцію при помощи мертвецовъ. Онъ посылаетъ своего сына къ королю, котораго везутъ изъ Варенна, и тому удаеться спасти Дофина, затерявшагося въ толпѣ. Передъ праздникомъ Федерациі на Марсовомъ полѣ его сынъ произноситъ по его порученію заклятія около Алтаря Отечества, чтобы поставить Марсово поле подъ особое покровительство ангеловъ. Сынъ доноситъ отцу, что, когда толпа танцована карманьолу около Тюильри и онъ произнесъ заклятіе, то руки сами собой опустились и танецъ разстроился.

Ла Гарпъ, извѣстный историкъ и членъ Французской Академіи, въ которомъ Терроръ произвелъ глубокой религиозный кризисъ и который сталъ мистикомъ по выходѣ изъ революціонной тюрьмы, сохранилъ разсказъ объ одномъ изъ

предсказаній Казотта.

«Это было въ началѣ 1788 года. Мы были на ужинѣ у одного изъ нашихъ коллегъ по Академіи Duc de Nivernais, важнаго вельможи и весьма умнаго человѣка. Общество было очень многочисленно и весьма разнообразно. Тутъ были аристократы, придворные, академики, ученые... Ужинѣ былъ роскошенъ, какъ обыкновенно. За десертомъ Мальвазія придала всеобщему веселью еще тотъ характеръ свободной распущенности, при которой не всегда сохраняется подобающій тонъ. Былъ именно тотъ моментъ, когда все кажется дозволеннымъ, что можетъ вызвать смѣхъ.

Шамфоръ прочелъ одну изъ своихъ вольныхъ и безбожныхъ сказокъ, и знатныя дамы слушали его и не закрывались вѣерами.

Потомъ начался цѣлый потокъ насмѣшекъ надъ религіей. Одинъ цитировалъ изъ «Дѣвственницы» Вольтера, другой припоминалъ эти «философскіе» стихи Дидро:

И на кишкахъ послѣдняго попа
Удавимъ послѣдняго короля,

которые встрѣтились общими
рукоплесканіями.

Третій подымается съ полнымъ стаканомъ
вина:

«Да, господа, я такъ же увѣренъ въ томъ, что
Бога нѣтъ, какъ и въ томъ, что Гомеръ просто старый
дуракъ».

И дѣйствительно, онъ былъ увѣренъ въ томъ и

въ другомъ. И тогда стали говорить о Богѣ и о Гомерѣ, и собесѣдники хорошо отдѣлали и того и другого.

Разговоръ становился болѣе серьезнымъ, и всѣ въ восторгѣ говорятъ о той революціи, которую произвелъ Вольтеръ и которая одна уже даетъ ему права на безсмертную славу.

«Онъ далъ тонъ всему вѣку и заставилъ читать себя въ передней такъ же, какъ и въ гостиной».

Одинъ изъ собутыльниковъ рассказалъ намъ, надрываясь отъ смѣха, что его парикмахеръ сказалъ ему, пудря его голову:

«Видите ли, сударь, какой я ни есть несчастный цирюльникъ, религіи у меня не больше, чѣмъ у всякаго другого».

Всѣ единогласно утверждаютъ, что революція не замедлитъ совершиться, что необходимо, чтобы суевѣріе и фанатизмъ уступили, наконецъ, мѣсто философіи, и начинаютъ подсчитывать приблизительно возможное время ея наступленія и кто изъ собравшагося здѣсь общества еще сможетъ увидѣть царство разума.

Самые старые жалуются, что имъ не дожить до этого; молодые радуются болѣе чѣмъ возможной надеждѣ увидѣть его, и всѣ поздравляютъ Академію, которая подготовила «великое дѣло» и была центромъ, главой, главнымъ двигателемъ освобожденія мысли.

Только одинъ изъ гостей совершенно не принималъ участія въ общемъ весельѣ и даже въ тихомолку уронилъ нѣсколько сарказмовъ по поводу нашего наивнаго энтузіазма. Это былъ Казоттъ, человекъ весьма любезный и оригинальный, но къ сожалѣнію слишкомъ увлеченный грезами

иллюминатовъ. Онъ просить слова и глубоко серьезнымъ голосомъ говорить:

«Господа! Вы будете удовлетворены. Вы увидите всѣ эту Великую, эту Прекрасную Революцію, которой вы такъ ожидаете. Вы вѣдь знаете — я немного пророкъ; и я повторяю вамъ: вы всѣ увидите ее».

Ему отвѣчаютъ обычнымъ припѣвомъ:

«Для этого не надо быть большимъ пророкомъ».

— Пусть такъ. Но, можетъ быть, надо быть даже немного больше, чѣмъ пророкомъ для того, чтобы сказать вамъ то, что мнѣ надо сказать. Знаете-ли вы, какія непосредственныя слѣдствія будетъ имѣть эта Революція для каждаго изъ васъ, собравшихся здѣсь?

«Что же? посмотримъ», сказалъ Кондорсэ со своимъ надменнымъ видомъ и презрительнымъ смѣхомъ: «Философу всегда бываетъ приятно встрѣтиться съ пророкомъ».

— Вы, Monsieur Кондорсэ, — вы умрете на полу темницы; вы умрете отъ яда, чтобъ избѣжать руки палача, отъ яда, который вы будете всегда носить съ собой — въ тѣ счастливыя времена.

Сперва полное недоумѣніе, но потомъ всѣ вспоминаютъ, что милый Казоттъ способенъ грезить на яву, и всѣ добродушно смѣются.

«Monsieur Казоттъ, сказка, которую вы здѣсь намъ рассказываете, далеко не такъ забавна, какъ вашъ «Влюбленный дьяволъ». Но какой дьяволъ вплелъ въ вашу исторію эту темницу, ядъ, палачей? Что же общаго имѣетъ это съ философіей и царствомъ разума?»

— Это совершится именно такъ, какъ я говорю вамъ. И съ вами такъ поступать. Во имя философіи,

человѣчества, свободы и именно при царствѣ Разума. И это будетъ, дѣйствительно, *царство Разума*, потому что Разуму будутъ тогда посвящены храмы, и во всей Франціи тогда даже и не будетъ иныхъ храмовъ, кромѣ» *храмовъ Разума*.

— Только я клянусь, — сказалъ Шамфоръ со своей саркастической улыбкой, — что вы то ужъ не будете однимъ изъ жрецовъ въ этихъ храмахъ.

— О, я надѣюсь. Но вы, monsieur Шамфоръ, который былъ бы вполне достоинъ быть однимъ изъ первосвященниковъ, вы разрѣжете себѣ жилы двадцатью двумя ударами бритвы и тѣмъ не менѣе умрете только много мѣсяцевъ спустя».

Всѣ снова переглядываются и смѣются.

— Вы, Monsieur Викъ д'Азиръ, вы сами не вскрыете себѣ жилъ; но послѣ шести кровопусканій въ одинъ день и послѣ припадка подагры, вы умрете въ ту же ночь.

— Вы, Monsieur Николаи — вы умрете на эшафотѣ, вы, — Monsieur Балъи, на эшафотѣ; вы, Monsieur Мальзербъ, — на эшафотѣ...

— Ну, слава Богу, — говоритъ Руше, — кажется, Monsieur Казоттъ разсерженъ только на Академію. Онъ устраиваетъ страшную рѣзню, а я — хвала небу!..

— Вы! Вы умрете также на эшафотѣ.

— О! да онъ рѣшилъ всѣхъ насъ перебить, кричать со всѣхъ сторонъ.

— Не я судилъ такъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ мы будемъ подъ игомъ турокъ или татаръ...

— Нисколько... Я вамъ сказалъ — вами будетъ править одна *Философія*, одинъ *Разумъ*.

Тѣ, кто съ вами будутъ поступать такъ, — всѣ они будутъ философами, и въ устахъ ихъ будутъ звучать тѣ же слова, тѣ же фразы, что вы говорите здѣсь, они будутъ повторять ваши афоризмы и цитировать, какъ и вы, стихи изъ Дидро и изъ «Pucelle».

Присутствовавшіе шептали другъ другу на ухо:
«Развѣ вы не видите, что это сумасшедшій?
(такъ какъ онъ все время сохранять, полную серьезность).

— Развѣ вы не видите, что онъ смѣется? Вѣдь вы знаете, что онъ всегда вводитъ фантастическій элементъ въ свои шутки.

— О! да, подхватилъ Шамфоръ, но фантастика его не очень то весела. Онъ только и думаетъ, что о висѣлицахъ. И когда все это произойдетъ?

— Шести лѣтъ не пройдетъ, какъ все, о чемъ я говорю вамъ, будетъ совершено.

— Вотъ это дѣйствительно чудеса, сказала Ла-Гарпъ. А меня вы совсѣмъ оставили въ сторонѣ?

— Съ вами случится чудо, почти настолько же невѣроятное, какъ и всѣ остальные. Вы станете христіаниномъ и мистикомъ.

Крики изумленія.

— О! говоритъ Шамфоръ, — теперь я спокоенъ. Если всѣмъ намъ суждено погибнуть только тогда, когда Ла-Гарпъ обратится въ христіанство, то мы безсмертны.

— Вотъ поэтому то, говоритъ герцогиня де Граммонъ, мы, женщины, — мы гораздо болѣе счастливы, потому что съ нами не считаются въ революціяхъ. Когда я говорю: не считаются, это вовсе не значитъ, что мы не принимаемъ никакого участія, но

насъ не трогаютъ, нашъ полъ...

— Вашъ полъ, mesdames, на этотъ разъ онъ не защититъ васъ, и вы хорошо сдѣлаете, если не будете ни во что вмѣшиваться. Съ вами будутъ обращаться, какъ съ мужчинами, не дѣлая никакой разницы.

— Что вы намъ рассказываете, monsieur Казоттъ? Вы пророчите намъ о концѣ міра?

— Этого я не знаю. Но что я знаю очень хорошо, это то, что вы, герцогиня, вы будете возведены на эшафотъ. — Вы и много другихъ дамъ вмѣстѣ съ вами. Васъ будутъ везти въ телѣгѣ съ руками, связанными за спиной.

— О! я надѣюсь, что въ этомъ случаѣ эта телѣга будетъ обтянута чернымъ трауромъ.

— О! нѣтъ. И самыя знатныя дамы такъ же, какъ и вы, будутъ въ телѣгѣ и съ руками, связанными за спиной.

— Еще болѣе знатныя дамы! Что же, принцессы крови?

— И болѣе...

Здѣсь замѣтное волненіе пробѣжало по залѣ, и лицо хозяина дома нахмурилось. Всѣ начали находить, что шутка зашла слишкомъ далеко.

Madame de Граммонъ, чтобы разогнать непріятное впечатлѣніе, не настаивала на послѣднемъ вопросѣ и сказала шутливымъ тономъ:

«Но вы мнѣ оставляете, по крайней мѣрѣ, исповѣдника?»

— О! нѣтъ, вы будете лишены этого. И вы, и другія. Послѣдній изъ казнимыхъ, которому будетъ оказана эта милость, это...

Онъ замолчалъ на мгновенье.

— Ну, кто же этотъ счастливый смертный, который будетъ имѣть эту прерогативу?

— Эта прерогатива будетъ послѣдней изъ всѣхъ, которыя у него были, и это будетъ король Франціи.

Хозяинъ дома всталъ съ мѣста, и всѣ гости вмѣстѣ съ нимъ. Онъ направился къ Казотту и сказалъ внушительно:

«Мой милый monsieur Казоттъ, прекратимъ эти мрачныя шутки; вы завели ихъ слишкомъ далеко и компрометируете ими и общество, въ которомъ вы находитесь, и васъ самихъ».

Казоттъ, ничего не отвѣчая, хотѣлъ уйти, когда m-me де Граммонъ, которая все время хотѣла обратить все въ шутку, подошла къ нему:

— Вы, г-нъ Пророкъ, предсказали всѣмъ намъ наше будущее, но что же вы ничего не сказали о самомъ себѣ!

Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча съ опущенными глазами.

— Читали вы про осаду Іерусалима у Іосифа Флавія?

— Разумѣется. Кто же этого не читалъ? Но говорите, пожалуйста, такъ, какъ будто мы этого не читали.

— Такъ вотъ видите, — во время этой осады одинъ человѣкъ въ теченіе семи дней ходилъ по стѣнамъ города на виду осажденныхъ и осаждающихъ и восклицалъ: «Горе Іерусалиму! Горе мнѣ!» И въ это время онъ былъ пораженъ громаднымъ камнемъ, пущеннымъ изъ осадной машины.

Сказавъ это, Казоттъ поклонился и вышелъ».

Казоттъ предчувствовалъ свою собственную казнь. Когда послѣ взятія Тюильри, 10 августа, были найдены его письма къ королю, онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со своей дочерью Елизаветой, служившей ему секретаремъ, и заключенъ въ тюрьму Аббеи, гдѣ произошли нѣсколько дней спустя сентябрьскія убійства. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которыхъ пощадилъ страшный революціонный трибуналъ Майара. Когда друзья Казотта поздравляли его, то онъ отвѣтилъ:

«Я буду казненъ черезъ нѣсколько дней».

Онъ былъ снова арестованъ и 24 сентября приговоренъ къ смерти. Предсѣдатель революціоннаго трибунала почтилъ его напутственной рѣчью, что не было въ обычаѣ революціонныхъ судовъ:

«Сердце твое не было достаточно широко, чтобы почувствовать святое вѣяніе свободы, но ты доказалъ, что ради своихъ убѣжденій ты можешь пожертвовать жизнью.

«Твои равные выслушали тебя и твои равные осудили тебя. Судъ ихъ такъ же чистъ, какъ и совѣсть. Это мгновеніе не должно утратить человека, подобнаго тебѣ. Родина плачетъ даже надъ гибелью тѣхъ, кто хотѣлъ растерзать ее...

«Ты былъ человекъ, христіанинъ, философъ, посвященный, умѣй же умереть, какъ мужчина и какъ христіанинъ, — это все, что родина еще можетъ ждать отъ тебя».

Несравненно менѣе сознательны были предчувствія маленькой мистической секты, образовавшейся во второй половинѣ XVIII вѣка и носящей названіе «Іоаннитовъ».

Въ 1772 году нѣкто Луазо, жившій въ селеніи Сень-Мандэ, ставшемъ въ настоящее время предмѣстьемъ Парижа, замѣтилъ въ церкви передъ собой странную фигуру — человѣка, одѣтаго въ звѣриныя шкуры съ краснымъ рубцомъ вокругъ всей шеи. Въ рукѣ у него была книга со словами: «Се агнецъ Божій». Онъ хотѣлъ прослѣдить страннаго незнакомца, но тотъ исчезъ, выходя изъ церкви.

Проходя нѣсколько дней спустя въ Парижѣ по площади Людовика XV, теперешней Place de la Concorde, онъ былъ остановленъ нищимъ. Луазо не глядя опустилъ монету въ протянутую шляпу и услышалъ слова:

«Ты уронилъ голову короля (изображеніе на монетѣ), но я жду иной головы, которая должна пасть на этомъ мѣстѣ».

Луазо узналъ въ нищемъ незнакомца, котораго онъ видѣлъ въ церкви, и тотъ сказалъ ему: «Замолчи, потому что никто, кромѣ тебя, не видитъ меня, и тебя примутъ за сумасшедшаго».

Въ ту же ночь, проснувшись, онъ увидалъ на столѣ своей комнаты золотое блюдо, полное кровью, и на немъ голову Іоанна Предтечи, которая сказала:

«Я жду головы королей и придворныхъ ихъ, я жду казни Ирода и Иродіады».

Вокругъ Луазо образовалась небольшая секта.

Они собирались вмѣстѣ и ждали откровеній Іоанна Предтечи о будущей революціи. Секта эта дожила до революціи и слилась съ сектой Богородицы-Катерины Тео, ожидавшей пришествія Новаго Спасителя. Вокругъ Катерины Тео создались странныя легенды. Существуетъ такой разсказъ:

«Однажды вечеромъ Катерина Тео сидѣла, окруженная своими вѣрными. Это было въ самыя грозныя мгновенія Террора.

— Слушайте же, сказала она: я слышу звуки Его шаговъ. Это — таинственный избранникъ Провидѣнія, это — ангелъ революціи. Ему суждено быть Спасителемъ и жертвой. Это король разрушенія и смерти. Онъ близко. На челѣ его кровавый ореоль Предтечи. Онъ приметъ на себя преступленіе тѣхъ, которые убьютъ его. О! Велики твои судьбы, потому что ты замкнешь бездну, падая въ нее.

— Вотъ онъ, убранный, какъ для праздника. И цвѣты въ его рукѣ... Это вѣнцы его мученичества...

— О, какъ тяжелы твои испытанія, сынъ мой! Сколько неблагодарныхъ будутъ поносить память твою изъ вѣка въ вѣкъ! Встаньте! Встаньте! Преклоните головы... Это король... Это король кровавыхъ жертвоприношеній!..

Въ этотъ же моментъ дверь раскрылась, и нѣкій человѣкъ въ шляпѣ, надвинутой на глаза, и закутанный въ плащъ, вошелъ въ комнату. Присутствовавшіе поднялись, и Катерина Тео простерла къ входящему свои руки.

— Я знала, что ты долженъ прійти, и я ждала тебя. Тотъ, котораго ты не видишь и который по правую руку отъ меня, указалъ мнѣ тебя сегодня. Насъ

обвиняють въ заговорѣ въ пользу короля. И я, дѣйствительно, говорила о королѣ, котораго сейчасъ мнѣ указываетъ Предтеча, въ вѣнцѣ, обрызганномъ кровью... И знаешь ты, надъ чьей головой виситъ онъ? Надъ твоей, Максимилианъ. — При этихъ словахъ незнакомецъ вздрогнулъ, бросилъ вокругъ себя быстрый и безпокойный взглядъ, но точасъ овладѣлъ собой.

— Что вы этимъ хотите сказать? Я не понимаю васъ, — спросилъ онъ ледянымъ и отрывистымъ голосомъ.

— Я хочу сказать, что будетъ солнечный день, когда человѣкъ, одѣтый въ голубое и держащій въ рукѣ скипетръ изъ цвѣтовъ, будетъ въ теченіе одного мгновенья королемъ и спасителемъ міра. Я хочу сказать, что ты будешь великъ, какъ Моисей, какъ Орфей, когда, ступивъ на голову чудовища, готоваго пожрать тебя, ты скажешь и палачамъ и жертвамъ, что есть Богъ.

— Не прячься, Робеспьеръ, и покажи намъ, не блѣднѣя, свою смѣлую голову, которую Богъ броситъ на пустую чашу вѣсовъ. Тяжела голова Людовика, и только твоя можетъ уравновѣсить ее.

— Это угроза? — холодно спросилъ Робеспьеръ, роняя свой плащъ. Этимъ фиглярствомъ вы хотите усыпить мой патріотизмъ и смутить мою совѣсть? Вы ожидали меня, повидимому... И горе вамъ, коли вы меня ожидали! Я, дѣйствительно, представитель народа и, какъ таковой, я донесу о васъ Комитету Общественнаго Спасенія и отдамъ приказъ о вашемъ арестѣ.

Произнеся эти слова, Робеспьеръ закрылъ

плащемъ свою напудренную голову и холодно пошелъ къ дверямъ. Никто не рѣшился задержать его, ни обратиться къ нему со словами.

Катерина Тео простерла руки и сказала:

«Чтите волю его, потому что онъ — король и первосвященникъ наступающихъ временъ. Если онъ поразитъ насъ, — это значить, что Богъ хочетъ поразить насъ: подставимъ безропотно головы наши подъ ножъ Провидѣнія».

Поклонники Катерины Тео всю ночь ждали, что ихъ арестуютъ. Но никто не пришелъ. Такъ прошло пять дней. На пятый день и она, и ея сообщники были арестованы по доносу одного изъ тайныхъ враговъ Робеспьера.

И будущіе Термидоріанцы, въ докладѣ Бадье, воспользовались этой сектой, какъ однимъ изъ страшныхъ орудій для ниспроверженія Робеспьера.

Этотъ драматическій разсказъ странно совпадаетъ со словами самого Робеспьера, сказанными министру внутреннихъ дѣлъ Гара, когда тотъ заклиналъ его спасти жирондистовъ:

— «Въ революціи есть моменты, когда становится преступленіемъ жить. Надо умѣть отдать свою голову, когда ее потребуеетъ народъ. Мою тоже потребуютъ, и вы увидите, буду ли я *стоять за нее*».

Я сказалъ, что Великая Революція является психологически кризисомъ идеи справедливости, которая въ этой формѣ неразрывно связана съ понятіемъ мести. Мечь — это та форма переживанія, которая съ чудовищной силой связываетъ въ тугую пружину воли цѣлыхъ поколѣній, и пружина, стягиваемая въ теченіе столѣтій, вдругъ развертывается

однимъ чудовищнымъ взмахомъ.

Вполнѣ принимая общепринятое изложеніе экономическихъ, соціальныхъ и психологическихъ причинъ, подготовившихъ Великую Революцію, мы не можемъ не признать, что у террора, являющагося, по своему существу, выраженіемъ идей справедливости и мести, есть иная генеалогія, чѣмъ та, которую намъ обычно предлагаютъ, какъ генеалогію Французской революціи. Существуетъ цѣлая литература, темная и мало извѣстная, о мщеніи Тамплиэровъ.

21 января 1793 года находится въ неразрывной связи съ 18 марта 1314 года — днемъ, когда былъ сожженъ Великій Магистръ ордена Тамплиэровъ, Яковъ Молэ.

За шесть лѣтъ до этого, въ ночь съ 12 на 13 ноября 1307 года, заговоромъ всѣхъ государствъ Европы, составленнымъ по инициативѣ французскаго короля Филиппа Красиваго и папы Климента V, былъ совершенъ одинъ изъ самыхъ грандіозныхъ *Coups d'Etat*⁴, случившихся въ Европѣ.

Былъ арестованъ весь могущественный рыцарскій орденъ Тамплиэровъ, тайное общество, которое держало въ своихъ рукахъ все богатство и всю власть тогдашней Европы и подготовляло громадный религіозный и соціальный переворотъ въ европейскомъ человѣчествѣ.

Шесть лѣтъ длился процессъ, въ которомъ Тамплиэры обвинялись въ черной магіи, колдовствѣ и сатанизмѣ, и 18 марта 1314 года Великій Магистръ Яковъ

⁴ Переворотовъ (франц.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. — Примѣчаніе издателя.

Молэ былъ сожженъ на медленномъ огнѣ на томъ самомъ мѣстѣ Pont-Neuf, гдѣ теперъ стоитъ статуя Генриха IV.

Онъ горѣлъ нѣсколько часовъ и призвалъ папу и короля предстать вмѣстѣ съ нимъ на судъ Божій въ этомъ же году.

Папа умеръ черезъ 40 дней, и тѣло его сгорѣло отъ опрокинутаго свѣтильника въ то время, когда оно стояло въ церкви, а король Филиппъ Красивый умеръ черезъ годъ. Орденъ Тампліэровъ, основанный Гюгомъ де Пайеномъ, какъ земное воплощеніе небснаго ордена «Святого Грааля», былъ хранителемъ экзотерическаго христіанства, и есть основаніе предполагать, гдѣ онъ подготовлялъ громадное религіозно-соціальное переустройство средневѣкового міра.

Передъ казнью Яковъ Молэ основалъ четыре Великихъ Масонскихъ ложи: въ Неаполѣ восточную, въ Эдинбургѣ западную, въ Стокгольмѣ сѣверную и въ Парижѣ южную.

На другой день послѣ его сожженія Chevalier Aumont и семь Тампліэровъ, переодѣтые въ костюмы каменщиковъ, съ благоговѣніемъ подобрали пепель его костра.

Такъ родилось по преданію тайное общество Франкъ-Масоновъ, которое впослѣдствіи передало Великой революціи свой девизъ: Liberté, Egalité, Fraternité.

Для того, чтобы допустить къ причастію въ ихъ тайнѣ Великой мести только людей вполне достойныхъ довѣрія, нео-Тампліэры создали обычныя франкъ-масонскія ложи, подъ именемъ св. Іоанна и св. Андрея.

Эти ложи были доступны толпѣ, и изъ нихъ выбирались истинные масоны, которые могли принять дѣйствительное участіе въ заговорѣ; они уже составляли не ложи, а шапитры, которыхъ было четыре въ городахъ, указанныхъ Яковомъ Молэ.

Ихъ власть и распространеніе въ послѣдніе годы XVIII вѣка были громадны. Изъ масонскихъ ложъ вышли всѣ дѣятели великой революціи.

Когда Вольтеръ въ самые послѣдніе годы своей жизни (1788) былъ посвященъ въ масоны, то въ числѣ членовъ ложи Девяти Сестеръ, основанной Лаландомъ, въ которую онъ былъ введенъ Франклиномъ и историкомъ Куртъ де Жебеленъ, были: Балъи, Дантонъ, Гара, Бриссо, Камилль Демуленъ, Шамфоръ, Петіонъ, Кондорсэ и Домъ Герль.

«Революція началась взятіемъ Бастиліи, потому что Бастилія была тюрьмой Якова Молэ. Авиньонъ былъ центромъ революціонныхъ звѣрствъ, потому что онъ принадлежалъ папѣ и тамъ хранился пепель великаго магистра. Всѣ статуи королей были низвергнуты для того, чтобы уничтожить статую Генриха IV, стоявшую на мѣстѣ казни Якова Молэ, и на этомъ мѣстѣ Тамплиэры должны были воздвигнуть Колосса, попирающаго ногами короны и тиары»⁵.

Въ томъ самомъ домѣ на улицѣ Платріэръ, въ которомъ умеръ Жанъ-Жакъ Руссо, была основана ложа тѣми заговорщиками, что со времени казни Якова Молэ поклялись сокрушить государственный строй старой Европы. Эта ложа стала центромъ революціоннаго движенія, и одинъ изъ принцевъ королевской крови

⁵ Кабэ де Гассикуръ. «Гробница Якова Молэ».

тамъ клялся въ мести наслѣдникамъ Филиппа Красиваго, на могилѣ Якова Молэ.

Записи ордена Тамплиэровъ свидѣтельствуютъ о томъ, что уже Регентъ былъ Великимъ Магистромъ этого тайнаго общества и что. его преемниками были Герцогъ де Мэнъ, принцы Бурбонъ — Кондэ и герцогъ Cossé Brissac. Послѣднимъ Магистромъ былъ Филиппъ Орлеанскій, который принялъ имя Эгалите, такъ какъ клятва Тамплиэровъ о мести Бурбонамъ не позволяла ему править орденомъ, сохраняя свое имя. Тамплиэрамъ нужна была казнь короля. Когда національное собраніе подъ страхомъ гражданской войны объявило короля лишеннымъ престола и назначило ему мѣстомъ Люксембургскій дворецъ, то другое собраніе, болѣе тайное и болѣе могущественное, рѣшило иначе. Резиденціей низверженнаго короля должна была быть тюрьма, и тюрьма эта не могла быть иной, чѣмъ старый дворецъ Тамплиэровъ, который еще стоялъ крѣпко со своими башнями и бойницами въ ожиданіи царственнаго узника.

Якобинизмъ имѣлъ уже имя раньше того, чѣмъ главы заговора выбрали старую церковь монаховъ якобитовъ мѣстомъ для своихъ собраній. Ихъ имя происходитъ отъ имени Якова — имени рокового для всѣхъ революцій. Старые опустошители Франціи создавшіе Жакерію, назывались «Жаками».

Философъ, роковыя слова котораго предуготовили новыя жакеріи, назывался «Жанъ-Жакомъ», и тайные двигатели Революціи клялись низвергнуть тронъ и алтарь на гробницѣ Якова Молэ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на стѣнахъ церквей и зданій Тамплиэры вырубили свои тайные знаки и

символы, страшные «знаки Рыбъ», во время Революціи разразились кровавыя безумства съ неудержимою силой.

Во время сентябрскихъ убійствъ какой то таинственный старикъ громаднаго роста, съ длинной бородой, появлялся вездѣ, гдѣ убивали священниковъ.

«Вотъ вамъ за Альбигойцевъ! восклицалъ онъ; вотъ вамъ за Тамплиэровъ! Вотъ за Вареоломеевскую ночь! За Севеннскихъ осужденныхъ!»

Онъ рубилъ направо и налево и весь былъ покрытъ кровью съ головы до ногъ. Борода его слиплась отъ крови, и онъ громко клялся, что онъ вымоетъ ее кровью.

Это былъ тотъ самый человѣкъ, который предложилъ m-lle де Сомбрейль выпить стаканъ крови «за народъ».

Послѣ казни Людовика XVI этотъ самый вѣчный жидъ крови и мести поднялся на эшафотъ, погрузилъ обѣ руки въ Королевскую кровь и окропилъ народъ, восклицая: «Народъ французскій! я крещу тебя во имя Якова и Свободы!»⁶.

Въ настоящую минуту Россія уже перешагнула кругъ безумія справедливости и отмщенія.

Неслышанная и невиданная моровая язва, о которой говорилъ Достоевскій, уже началась. Появились эти новыя трихины — существа, одаренныя умомъ и волей, которыя вселяются въ тѣла людей.

«Люди, принявшіе ихъ въ себя, становятся

⁶ Элифасъ Леви.

тотчасъ же бѣсноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считаютъ эти зараженные. Никогда люди не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій; и все же не могутъ согласиться, что считать добромъ, что зломъ».

И Ангелъ Справедливости и Отмщенія, кровавый Ангелъ Тамплиэровъ, Ангелъ, у котораго въ рукахъ мечъ, у котораго глаза всегда завязаны, а одна чаша вѣсовъ всегда опущена, возсталъ и говорить:

Народу Русскому: Я скорбный Ангелъ Мщенья,
Я въ раны черныя, въ распаханную новь
Кидаю сѣмена. Прошли вѣка терпѣнья...
И голосъ мой набать, хоругвь моя, какъ кровь.
На буйныхъ очагахъ народнаго витійства,
Какъ призраки, взрощу багряные цвѣты.
Я въ сердце дѣвушки вложу восторгъ убійства
И въ душу дѣтскую кровавыя мечты.
И духъ возлюбить смерть, возлюбить крови
алость...
Я грезы счастья слезами затоплю.
Изъ сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослѣплю.
О, камни мостовыхъ, которыхъ лишь однажды
Коснулась кровь... я вѣдаю вашъ счетъ!
Я камни заклянѹ заклятьемъ вѣчной жажды,
И кровь за кровь безъ мѣры потечеть...
Скажи возставшему: Я злую ѣдкость стали
Придамъ въ своихъ рукахъ картонному мечу...
На стогнахъ городовъ, гдѣ женщинъ истязали,
Я «знаки Рыбъ» на стѣнахъ начерчу.

Я синимъ пламенемъ пройду въ душѣ народа.
Я краснымъ пламенемъ пройду по городамъ.
Устами каждаго воскликну я: «Свобода!»
Но разный смыслъ для каждаго придамъ.
Я напишу: «Завѣтъ мой Справедливость!»
И врагъ прочтетъ: «Пощады больше нѣтъ!»
Убійству я придамъ манящую красоту,
И въ душу мстителя вопьется страстный бредъ.
Мечъ Справедливости — провидящій и мстящій —
Отдамъ во власть толпѣ, и онъ въ рукахъ слѣпца
Свернетъ стремительный, какъ молнія разящій...
Имъ сынъ заколетъ мать. Имъ дочь убьетъ отца.
Я каждому скажу: «Тебѣ ключи надежды.
Одинъ ты видишь свѣтъ. Для прочихъ онъ потухъ».
И будетъ онъ рыдать, и въ горѣ рвать одежды,
И звать другихъ... но каждый будетъ глухъ.
Не съятель сберетъ колючій колосъ сѣва.
Принявшій мечъ погибнетъ отъ меча.
Кто разъ испилъ хмѣльной отравы гнѣва,
Тотъ станетъ палачемъ иль жертвой палача.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человекъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человекъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человекъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроень каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сѣль и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждѣтъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернѣтся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временныя полы, закрыли плѣнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчѣтный счѣтъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счѣтъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)
33-99-801 (Олег Лавровъ) или на электронный адрес
lavrova@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

